

АНДРЕЙ ОРЛОВ
РЕАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ
О СИЛЬНЫХ ЛЮДЯХ

Андрей Орлов

**Баржа Т-36. Пятьдесят
дней смертельного дрейфа**

«ЭКСМО»

2013

Орлов А. Ю.

Баржа Т-36. Пятьдесят дней смертельного дрейфа /
А. Ю. Орлов — «Эксмо», 2013

В основу книги положены реальные события. В заливе острова Итуруп ураганным ветром была унесена в открытое море самоходная танкодесантная баржа Т-36. Четверо солдат на ее борту остались без связи, без достаточного количества воды и провианта, без каких-либо спасательных средств. Драматизм ситуации усугублялся тем, что поиски пропавшей баржи были прекращены уже через несколько дней и бойцов заочно похоронили. Но четверо парней наперекор всему продолжали бороться за жизнь. Пятьдесят суток шел смертельный поединок между ними и разбушевавшейся стихией. Пятьдесят суток смерть нависала над ними, но так и не смогла одолеть мужественных парней. Они победили!

© Орлов А. Ю., 2013

© Эксмо, 2013

Андрей Орлов

Баржа Т-36. Пятьдесят дней смертельного дрейфа

События романа не выдуманы. Отличия героев от реально существующих людей не случайны и целиком на совести автора.

Войны заканчиваются только для побежденных. Победители продолжают воевать и после победы.

«Как на море-океане тонет баржа с чуваками...»

Фольклор

16 января 1960 года к вечеру разгулялась непогода. Резко похолодало, повалил снег. Дул порывистый ветер, еще не шквалистый, но уже способный доставить неприятности. Рваная облачность распростерлась над побережьем океана. Из Японии, которую хорошо было видно в ясную погоду, надвигалась сизая мгла. Вздymались волны, грузно выползали на берег, ошестинившийся клыками скал и рваными корками ледового припая. Поскрипывали старые суденышки, пришвартованные к пирсу. Маленький залив от буйства моря защищал одинокий каменный мыс. В темнеющем воздухе проступали причал и дорога, петляющая между заледевшими скалами. К северу, метрах в трехстах, расположилась Китовая бухта – обширный, глубоко вдающийся в сушу залив, вполне подходящий для устройства здесь гавани. На склоне горы в глубине бухты поблескивал огоньками поселок Пионерское. Трехкилометровая зона вокруг поселка считалась закрытой, здесь находилась база Тихоокеанского флота СССР. Чернели кляксы судов у пирсов и причалов, глыбы сторожевых кораблей, пятна поменьше – торпедные катера и тральщики.

Самый крупный остров в составе Курильской гряды уже накрывал циклон. Ветер усиливался, снег валил густыми хлопьями. У ржавого пирса в стороне от Китовой бухты были пришвартованы выведенные из эксплуатации вспомогательные суда – старенький лесовоз, отслуживший свое в качестве морского грузовика, парочка древних самоходных барж, списанный, но еще не утилизированный пограничный катер «Неустрасимый».

У края пирса прозябала еще одна самоходная баржа. 306-й проект, так называемый «Танкист». Водоизмещение – 70 тонн, семнадцать метров в длину, четыре в ширину. Баржа оснащалась дизельным мотором мощностью 230 лошадиных сил и высокими боковыми бортами. Ходовая рубка смещалась к корме, между носом и надстройкой имелась просторная верхняя палуба. Судно находилось на плаву, исправно работало. Изначально оно предназначалось для доставки и высадки десанта на необорудованное побережье, могло транспортировать средний танк. На носу имелась громоздкая аппарель для спуска техники на сушу. Но в последние годы баржа занималась лишь прибрежными транспортными перевозками. Названия у судна не было, только полустертый серийный номер: Т-36.

Четыре часа назад она доставила на базу из прибрежного поселка Знаменский некий секретный груз. В Китовую бухту по ряду причин баржа не входила, встала у старого пирса. Погодные условия позволяли пришвартоваться. Из воинской части прибыл грузовик, несколько солдат в бушлатах под командой серьезных офицеров. Один из них прятал под плащ-палаткой полковничьи погоны. Грузовик заехал задним ходом на пирс, и солдаты перетаскивали в кузов ящики, обитые металлом.

Молодой лейтенант, начальник караула, расписался: груз сдал. Полковник завизировал: груз принял. Оба облегченно вздохнули и козырнули друг другу. Грузовик с усиленным сопро-

вождением убыл в часть. Караул устал, караул свободен. Лейтенант ухмыльнулся и доложил по радиации в поселок Знаменский о выполнении задания, а также о том, что горючего в баке осталось с гулькиным носом.

«Утром вас запросят в Китовой бухте, – последовал ответ из Знаменского. – Соответствующее распоряжение будет сделано только утром. Как запросят, возвращайтесь порожняком к месту несения службы. До утра свободны».

Начальник караула не скрывал своей радости. Он отдал распоряжение заместителю, сержанту Затулину, и убежал в поселок. До утра. Что ему делать на пустой барже – охранять своих солдат и их оружие? Сами справятся, бойцы бывалые. Солдатская молитва «Боже, призови к себе начкара», похоже, дошла по адресу.

Удалилась гражданская команда. У основательных, просоленных мужиков было где остановиться в Пионерском. Глупо ночевать на неудобной промерзшей барже.

– А одиноким предоставляется казарма, – пошутил один из них, видя, как от расстройства вытягиваются физиономии рядовых караульных.

Следом смотался радист, пообещав вернуться часов через восемь. Вольная птица, кто его остановит?

Видя такое дело, сержант Ахмет Затулин задумался, поколебался, глянул на часы, помаши пальцем ефрейтора Крюкова и что-то ему прошептал. Тот буркнул нечто неразборчивое, означающее, видимо, «есть, товарищ сержант», глянул ему вслед и тоскливо вздохнул. На пустой барже остались трое караульных. Ничто не предвещало погодного катаклизма.

Вскоре ветер разгулялся не на шутку. Баржа терлась о причал. Поскрипывал трап, переброшенный с лац-порта на настил.

На палубе рядом с трапом курил папиросу военный служащий в бушлате с ефрейторскими лычками на погонах. Он держался за борт и опасливо косился на мглу, подходящую с востока. Пареньку было лет двадцать, чернявый, нахмуренный. Он нетерпеливо поглядывал на старенькие часы, переводил глаза на пирс. Взгляд его рассеянно скользил по ржавой палубе баржи, по бочонку с питьевой водой, приставленному к рубке, по ящикам с углем у входа в трюм, по герметичной емкости с машинным маслом, так и не спущенной в машинное отделение.

Заскрипела дверь в задней части рубки. Там был проход в кубрик, к каютам команды и ниже – в трюм и машинное отделение. Показался еще один солдатик в бушлате, ушанке и ватных штанах, с простоватой, но неглупой физиономией. Папироса во рту уже дымилась, заранее зажег. Обнаружив товарища, он поплелся к нему, зябко ежась и спотыкаясь о крепежные стяжки, вмурованные в палубу.

– Не замерз, Серега? Дубак-то какой! Дед Мороз еще раз пришел.

– Нормально, – буркнул ефрейтор, выбрасывая за борт гильзу от папиросы.

Парни съежились у борта, хмуро вглядывались в темнеющие окрестности. Причудливые скалы на побережье превращались в каких-то многоголовых чудовищ.

– Неуютно здесь, Вовка, – проворчал ефрейтор Серега Крюков. – Фигня какая-то на постном масле. Все ушли, а мы кукуем. Шторм, кажется, надвигается.

– Ага, в Подмосковье такого не увидишь. – Рядовой Федорчук ухмыльнулся и выбросил папиросу, стремительно сгоревшую на ветру.

– Можно подумать, ты у себя в Донбассе такое увидишь, – парировал Серега. – Хреново смотрится. Полтора года уже люблюсь на этот океан, а все никак привыкнуть не могу. Ладно, хоть не во флоте служим.

– Да все отлично, – добродушно пробасил Федорчук. – Слабый ветерок, скоро распогодится, штормовых предупреждений не было. Филька в кубрике стол накрывает, посидим, отдохнем по-человечески в кои-то веки. Груз доставили, до утра гуляем, не жизнь, а малина. Не знаешь, куда Гончаров смылся? До утра его точно не будет?

– Зазноба у начкара в Пионерском, – предположил Серега. – Тот еще кобель наш летеха. Только баба с воза, тут же другая лезет. А у самого жена в Знаменском. Пацаны рассказывали, он ей, зараза, даже из дома выходить запрещает. И что эти бабы в нем находят? Ехидный, скользкий, приставучий, до любого столба докопается – почему не по уставу стоит?... Нет, Вовка, до утра он точно не придет, если с баржей, конечно, ничего не стрясется. Хотя, с другой стороны, – ефрейтор задумался. – Как он у бабы под мышкой узнает, что с баржей что-то стряслось? Черт, где сержант? – Он вскинул руку с часами. – Обещал вернуться через пару часов.

– И у этого зазноба в Пионерском? – удивился Федорчук.

– А что, Ахмет парень видный. – Серега пожал плечами и ухмыльнулся. – Помнишь, в прошлый раз в общаге рыбного завода на ночь поселили? Он полночи где-то бегал, а потом вернулся – довольный, словно сметаны наелся. И все молчком, ухмыляется. Явно не в домино с пенсионерами резался. Только бы этот крендель патрулю не попался! – разозлился ефрейтор. – Нашли время! Режим секретности, закрытая зона, важные учения на носу, а эти тут романтику развели.

– Завидуешь? – усмехнулся Федорчук.

– Я завидую? – картинно и натянуто изумился Серега. – С чего мне завидовать, Вовка? Ты что, белены объелся? Меня девушка ждет в Крюково. Вот отслужу как положено, вернусь домой, а уж тогда...

– Что тогда? – усмехнулся Федорчук.

– Женюсь, – проворчал, отвернувшись, Серега. – На работу в депо устроюсь и женюсь. Ерунда осталась, подумаешь – полгода. Дотерплю. Зачем мне эти приключения до дембеля на голую задницу? Отвлекают они от службы.

– Точно, ты же правильный, – вспомнил Федорчук. – Комсорг роты, епть, ефрейтор опять же.

– А это здесь при чем? – уставился на него Серега.

– Не бери в голову, – отмахнулся Вовка. – Все нормально. У меня у самого жена в Сталино, мне тоже эти похождения не пришей куда седло. Пошли, Серега, не май месяц, – потянул он товарища. – Не могу уже на это непотребство смотреть. У печки уютнее.

Штурм усиливался, волны делались круче, опаснее. Каменный мыс на южной стороне залива создавал лишь символическую защиту от непогоды. Мощным валом захлестнуло пирс, пришвартованные суда. Завыли натянутые до предела швартовочные тросы. Заскрежетал трап, переброшенный на причал. Его вывернуло и едва не поломало.

– Убираем!.. – буркнул ефрейтор, припадая к лац-порту. – А то останемся без трапа.

– А сержант придет? – озадачился Федорчук.

– Ну, не маленький, – всплеснул руками Серега. – Постучит, откроем.

Совместными усилиями они заволокли громоздкую штуковину на палубу. Холодало стремительно, находиться снаружи становилось неуютно. Днем было минус восемь, а сейчас, поди, за двадцать перевалило. По пути солдаты задумались: может, стащить, наконец, с лестницы бак с водой? Но оба вновь махнули рукой – не убежит.

Приятеля спустились в кубрик по лестнице, обитой рифленным железом. Внизу было тепло, комфортно, потрескивала буржуйка. На нижней палубе качка чувствовалась меньше. Низкий потолок, за буржуйкой проход к компактным каютам.

В этой части судна находилось караульное помещение. Жестко сбитые нары вдоль стен, матрасы, армейские одеяла. Примитивный стол, табуретки. Пирамида с автоматами Калашникова. В нише имелся запас дров и угля. Недалеко от входа – бак с питьевой водой, в котором оставалось меньше половины. На полке рядом с нехитрым солдатским скарбом – стопка газет, несколько потрепанных книг. Там же обреталась громоздкая переносная рация – обязательный атрибут для караула, перевозящего секретные грузы. Не важно, что рубка оборудована стационарным аналогом.

Между печкой и столом метался третий караульный, рядовой Филипп Полонский, худощавый паренек со скуластым интеллигентным лицом и волнистыми волосами. Он скинул бушлат, расстегнул гимнастерку. Его лоб блестел от пота. Филипп подбрасывал дрова в печку, одновременно накрывал на стол: резал ржаной хлеб, вскрывал консервы из сухого пайка.

– Вспотел наш сибиряк, – критично заметил Серега. – Смотри, какой милый. Еще и улыбается.

– Была бы печка, – засмеялся Филипп. – А сибиряки найдутся. За дело, пацаны, время не ждет, – заторопился он. – Чего стоим, клювами щелкаем? Быстро сели, пока никого нелегкая не занесла. – Он зачем-то воровато глянул по сторонам и развязал тесемки вещмешка. Последовал эффектный жест мага-кудесника, и взорам однополчан предстала безыскусная бутылка водки, произведенная Александровск-Сахалинским ликероводочным заводом!

– Я чего-то не знаю? – слотнул Серега.

Вовка и Филипп перемигнулись и засмеялись. Уж они-то знали!..

– За бортом минус двадцать, а у нас плюс сорок, – важно сказал Филипп, выставляя на стол алюминиевые кружки, истертые за несколько десятков лет безупречной службы. – Впрочем, если Крюк не хочет, то мы ему не наливаем. Стоит ли добро переводить, если он ни черта не понимает в маленьких житейских радостях?

Зажурчал сорокаградусный напиток, вступая в реакцию с древним алюминием. Сергей Крюков предпочел не выяснять, откуда что берется и почему комсорг роты не в курсе. Под театральный возглас Полонского: «О, велик же дух противоречия!» – он запрыгнул на табуретку, подскочил вместе с ней к столу, схватился за кружку, за ложку. Гулять так гулять! Возможно, сослуживцы правы. Проще надо быть. Гончаров до рассвета наверняка не нарисует, а как придет, пускай гадают, откуда этот запах.

Баржу потрянуло, комок подскочил к горлу. Вовка Федорчук, обладающий отменной реакцией, схватил бутылку, непринужденно рассмеялся и зажал ее между коленями.

– За что бухаем, мужики?

– Ну, не знаю... – свел густые брови Полонский. – Можем, конечно, за страну, за партию, за непобедимую идею и Советскую армию, все такое. Но мы и так знаем, что СССР вечен, партия – рулевой, идея – единственная верная, а Советская армия любого побьет. За погоду, пацаны? Может, я не прав, но в последние полчаса она мне решительно не нравится. Пусть распогодится.

Серега Крюков задумался. С этим Полонским всю дорогу так – вроде и правильно говорит, но эта подозрительная интонация... Сомкнулись кружки.

– Эй, на барже! – прогремел снаружи командирский голос, который не заглушали толстые переборки и порывы ветра.

– Затулин вернулся, – удивился Серега.

Дрогнули кружки в руках солдат.

– Так, кружки не ставим, – заволновался Филипп. – Тут как в шахматах, мужики. Коснулся фигуры – ходи.

Торопливо выпили, зажевали перловкой с говядиной. Федорчук доверил Сереге початую бутылку и потащился вверх – перекидывать трап сержанту. Через минуту возникли оба.

Сержант Затулин основательно промерз. Похоже, он бегом возвращался из поселка. Рослый, привлекательный парень призывался из Черемшанского района Татарской АССР. Спокойный, насмешливый. Татарский акцент в его речи практически не присутствовал, да и внешностью он мало напоминал татарина, только в редкие минуты, когда сильно злился.

– Тэк-с... – сказал он недобрым голосом, расставил ноги, чтобы не упасть, и обзрел накрытый стол.

Сержант покосился на Серегу Крюкова с бутылкой между нижними конечностями и констатировал:

– Грешим! Пир во время чумы, блин...

– Ты прав, Ахмет, – кивнул интеллигентный Полонский. – Нам тоже кажется, что в этом деле что-то лишнее – либо шторм, либо водка. Но так уж карты легли, не сердись. Решили посидеть вот – пожрать, поржать. Бутылку нашли, мимо проплывала.

– Будем надеяться, что не последнюю, – намекнул Федорчук.

Все четверо военнослужащих были одного призыва, отслужили по полтора года и в свободное от службы время предпочитали не утруждаться общением по уставу. Затулин укоризненно покачал головой, покосился на пирамиду с оружием. Рядом с пирамидой горкой лежали подсумки с запасными магазинами.

– Караул расслабился, – констатировал Ахмет. – Приходи любой, тырь оружие, патроны, баржу, хоть весь Тихоокеанский флот. Никому не интересно!..

– Сказал человек, прибежавший с самоволки. – Федорчук крикнул и взглядом показал Сереге, чтобы наполнил еще одну кружку. – Рановато ты сегодня, командир. Что-то не срослось в амурных сферах?

– Не срослось. – Затулин расслабился, решил не лезть в бутылку, ногой придвинул табуретку, плюхнулся на нее и объяснил со смущенным видом: – Барышня что надо. Лучше не найдешь на всех Курилах. Заведует бухгалтерией на рыбном заводе. Мы с ней на прошлой неделе познакомились, когда в командировку сюда приезжали. Родом из Башкирии, почти землячка. Веселая, добрая, красивая, свой дом недалеко от общаги. Гульгеной звать... – Ахмед меланхолично вздохнул и устался в пространство.

– А в чем проблема-то? – переглянувшись с товарищами, спросил Полонский.

– Принца ждет, – сокрушенно вздохнул Ахмет. – Иногда отлучается замуж.

– В этот роковой момент ты и попал, – догадался Филипп.

– Поначалу все нормально было, – покаянно начал Ахмет. – Потом приперся этот пудель с горы. А он у барышни в режимной части трудится, повернут на секретности и шпиономании. На смене был, почувствовал что-то, прибежал, а в доме даже спрятаться негде! Я мог, конечно, ковриком прикинуться, но решил с перепуга из окна выброситься. А там высоко, как из самолета прыгаешь, ядрена мать! – Сержант потер отбитое плечо. – Нет, я мог бы уложить его спать с двух ударов, но не подставлять же бабу!..

Гоготали так, что уронили миску с перловкой и не заметили, что усилилась качка, а вой ветра за бортом заглушал хохот. Стены кубрика ходили ходуном, посыпались дрова, складированные в нише.

– Почему бак с водой с улицы не занесли? – Ахмет нахмурился и осушил кружку. – Сколько можно говорить? Простых человеческих приказов не понимаете? Начкар твердил, я твердил. Самому прикажете тащить? Знаете, парни, я, конечно, все умею, но чтобы самому все это делать!..

– Принесем, – отмахнулся Федорчук. – Куда он денется?

– Допиваем и за работу. – Сержант схватился за раскрытую банку с гречневой кашей, замолотил ложкой. – По Пионерскому объявлено штормовое предупреждение – всем судам укрыться в Китовой бухте. Буря надвигается, может потрепать. Прошляпили эти синоптики хреновы. Думали, что тайфун стороной пройдет, а вот не вышло, всем Курилам через час достанется. Ждать команду и Гончарова мы не будем, их теперь пушкой не разбудишь. Сами отведем посудину в бухту. Думаю, справимся, невелика наука – управлять корытом. Горючего почти нет, но до причала хватит.

– Отдохнули, – вздохнул Филипп.

– И что ты предлагаешь? – насутился Ахмет. – Ждать, пока нас тут накроет? Встанем в бухте – еще посидим. Все, пацаны, время не ждет, – заторопился Ахмет. – Одеваемся и пошли. Уши у шапок завязать, чтобы не унесло. Я в рубку, остальным отдать швартовы и свалить в трюм все, что осталось на палубе: воду, ящики с углем, бочку с машинным маслом.

Допивали и дожевывали на ходу, облачаясь в бушлаты, ушанки, натягивая ватные верхонки. Волнения не было – обычное дело, пусть и несвойственное для «сухопутных крыс». А только вывалили на палубу, мурашки поползли по спине. Они стояли, вцепившись в борт, и не верили своим глазам, оцепенели, превратились в лед. Полная жуть!

Снег валил стеной, он уже покрыл палубу толстым слоем. Ветер вроде бы стих, качка слегка уменьшилась. Все бы ничего, если не замечать тучи, подступающие с востока, абсолютно черные, непроницаемые, и несущуюся на берег страшную волну высотой с пятиэтажный панельный дом! Реагировать поздно.

Когда она накрыла, закричали от страха дружным хором. Парни словно в невесомость попали. Баржу приподняло как легкую щепку и швырнуло вниз. Жестокий удар, металлический лязг, взлетали и опускались борта, затрясся пирс. Баржа дважды зачерпнула воду, люди разлетелись по палубе. Но посудина не утонула, сохранила плавучесть. И пошла цепная реакция. Взлетали старые списанные суда, пришвартованные к пирсу, разразился грохот, лязг, оторвало от кнехта ржавый пограничный катер. Вздрыбленный океан швырнул его к берегу как щепку. Со звоном порвался один из швартовочных тросов на барже, просто лопнул как портяжная нитка.

– Все на пирс! – страшным голосом проорал Ахмет, выкапываясь из снега.

– Командир, а как же оружие? – прохрипел Серега. – Оно же внизу осталось.

– К черту оружие! – взревел сержант. – На том свете от империалистов будешь отстреливаться?!

Диспут не имел никакого смысла. Не осталось времени, чтобы предпринять что-то полезное. Накрыла вторая «ударная» волна, возможно, и не такая напористая, как первая, но роли это уже не играло. Разъярившаяся стихия бросила судно на пирс. Волна помчалась обратно, оттащила баржу в океан. Порвался второй трос, и судно чуть не перевернулось! Люди вцепились в растяжки на палубе, орали дурными голосами. Они задыхались в нестерпимо холодной воде.

Мимо Ахмета промчался пресловутый бочонок с питьевой водой, подпрыгнул и унесся за борт. Прогарцевали ящики с углем, вернее сказать, те из них, что не удосужились развалиться. Бочонок с маслом ударил Полонского по ноге. Он от страха разжал руки и закувыркался по палубе, истошно вопя. Еще мгновение, и его смыло бы в океан. Заголосил Федорчук, отпустил свою тягу, схватил Филиппа за щиколотки. Обоих поволокло. Они исполняли на разные голоса душераздирающую вокальную партию. На Вовку рухнул Серега, на Серегу – Ахмет. Через мгновение вся компания катилась к другому борту, который вдруг начал куда-то проваливаться.

– Все в рубку! – хрипел Ахмет. – Заводимся, сматываемся отсюда.

– С ума сошел? – кашлял Филипп. – Мы не дойдем до бухты.

– К черту бухту! Будем выбрасываться на берег, а то нас в море сейчас утащит.

Разбились сигнальные прожекторы, сорвало антенну с рубки. Баржа качалась с бешеной амплитудой. Пирс отдалялся. А у берега творилось что-то невероятное. Там громоздились разбитые и перевернутые суда. Отхлынула волна. Какую-то баржу несло обратно словно спичечный коробок! Она промчалась мимо, едва не зацепив «танкиста». Солдаты поднимались в рубку, придерживая друг друга. Отвалился Федорчук, завопил, объятый паникой. Теперь уже Полонский схватил его за шиворот, куда-то поволок. Бойцы падали на пол, друг на друга, стояли в изнеможении. Кто-то догадался захлопнуть и запереть дверь.

На море творилось что-то невероятное. Гигантские волны шли на берег сплоченными колоннами высотой двенадцать, а то и пятнадцать метров! Они разбивались о скалы, проверяя их на прочность, бешено шипели. Тучи опустились почти до земли, колыхались черными курдюками. Снег валил как из ведра. Баржа Т-36 неприкаянно болталась, черпая воду бортами.

Завелся дизель, зарычал как мастодонт, затрясся проржавевший корпус. Баржа медленно разворачивалась поперек волны. Сержант Затулин вцепился в штурвал, прокусил губу от напряжения. Стало легче, теперь баржу швыряло с носа на корму.

– Держите меня! – прорычал Ахмет. – Не устою!

Сохранять вертикаль в таком положении было проблематично. В него вцепились сразу трое. Свободными руками люди хватались за все, что имело шанс не оторваться. Баржа качалась взад-вперед как лодочка в парке аттракционов. Суда, сброшенные с пирса, грудились в куче между ним и берегом, превращались в хаотично колышущееся кладбище кораблей. Таранить их было чистым самоубийством.

Ахмет яростно закрутил штурвал, смещая баржу в сторону. И снова суденышко становилось вдоль волны! Бушующий вал захлестнул палубу, было видно, как оторвался от аппарели фрагмент обшивки и унесся в море. Стихия не унималась, море разбушевалось не на шутку. И ни одной живой души в округе. К началу шторма в этой части побережья не было никого, кроме одинокого караула! А в Китовой бухте у военных своих проблем выше крыши. Им и в голову не придет, что по соседству кто-то терпит бедствие.

Суденышко выровнялось. Теперь напротив него колыхалась ломаная скалистая гряда. Расстояние между берегом и судном стало медленно сокращаться.

– Нашли приключение, мать его в душу! – простодушно выдохнул Федорчук. – Быстрее бы это закончилось.

– В такие моменты особенно хочется выпить, – пробормотал Филипп Полонский.

– Не выпил еще? – нервно хохотнул Серега.

– А это не считается.

Море окончательно взбесилось, волны вставали неодолимыми валами. Но дистанция до берега сокращалась. Мощный «девятый вал» с ревом, заглушающим работу дизеля, задрал корму, швырнул суденышко в пучину! Люди снова падали, кричали от страха. Ахмет навалился грудью на штурвал, вцепился в поручень над головой. Только не выпустить баранку! И вот обратный процесс. Встречная волна подняла нос с бестолково задранной аппарелью, и всех прибило к задней стене рубки.

– Не бойтесь, мы почти непотопляемы! – крикнул Ахмет.

– С чего бы это? – простонал Филипп.

– Герметичные отсеки! В бортах и между днищами! Они заполнены воздухом, мы фактически воздушный шарик! Сейчас взлетим!

– Ага, успокаивай, – проворчал Серега. – Слушай, Ахмет, чего мы еле тащимся? Прибавь газку, что ли.

Выжимать из этой ржавой консервной банки было нечего. Берег приближался, невозможно высились черные скалы. Затулин всматривался до рези в глазах. Носился снег, вставали студеные волны, тьма заглатывала. Метрах в ста пятидесяти севернее пирса, между скалами и морем, имелась узкая полоска намывного пляжа. Выброситься в этом месте было бы идеально. Он не видел этой чертовой полоски, только бездушные монолитные скалы, но вроде где-то здесь. Полный вперед! Судно протаранило волну, отхлынувшую от берега. Ахмета тряхнуло так, что зубы чуть не вывалились.

– Держись, десантура! – проорал он. – Все на пол, сейчас шмякнемся!

Но море не хотело их отпускать. Уже у самого берега отхлынувшая волна отбросила «танкиста» назад! Баржу завертело, затрещали борта, возникло такое ощущение, что судно переворачивалось. Но оно удержалось каким-то чудом. На жалкое мгновение Ахмет отпустил штурвал и тут же так ударился виском о стальную обечайку иллюминатора, что жарко стало в голове. Он ахнул, бросился обратно к штурвалу, удержал баржу поперек волны. За эти крохотные мгновения ее отбросило обратно в море.

Вторая попытка! Муть вставала перед глазами, голова трещала как буржуйка. Но судно упрямо прорывалось к берегу, сопротивляясь волнам и свирепому ветру. Товарищи кряхтели, хорошо еще, что отделались синяками и царапинами. Ахмет покосился на свой караул. Парни выносливые, стойкие, боятся, но не трусы. Верхонки и ушанки никто не потерял – молодцы. Мокрые до нитки, взволнованные, разбросанные по рубке, они молчали, ждали чуда от командира.

– Настроение у вас какое-то не революционное, бойцы, – засмеялся он.

– Вот это ты точно подметил, – проворчал Полонский. – Слушай, Ахмет, давай это дело поскорее закроем, а?

– А то все мокрые, задубели как цуцики, – простучал зубами Серега.

– Да ладно вам, – хохотнул сквозь зубы Ахмет. – Разнежились в караулах. Обливание холодной водой дарит хорошее настроение, забыли? Ну, держись, покорители океана!..

Судно буравило волны, надрывался дизель. Снова приближался берег, вырастали скалы из-за снежной пелены. Еще мгновение... и вдруг жестокий порыв бокового ветра отбросил баржу в сторону! Снова заходили ходуном борта, а в рубке четверо бойцов катались по полу, матерясь от души. Берег приближался стремительно, летел в глаза. Но никакой не пляж, куда они с легкостью могли бы выброситься. Осадка у этой клячи не больше метра. Приближались груды камней, обросшие льдом, вертикальные скалы, вырастающие прямо из воды. Жестокий удар, скрежет. Судно не добралось до камней, пробило борт о ледовый припай. В следующую секунду напористая волна уже швырнула его обратно в море, завертела как щепку!

– Пробоина! – в отчаянии закричал Ахмет.

– Непотопляемы, говоришь? – Филипп обреченно вздохнул. – Ладно, посмотрим.

Ударил вторая волна, третья. Берег отдалялся. Привстав над штурвалом, Ахмет не верил своим глазам, да и ушам тоже. Теперь он не слышал рева дизеля. Ругались сослуживцы – это он слышал. Свистел ветер-разбойник, ревели волны – тоже слышал. А вот двигатель?..

Ахмет бросился к приборам – горючее кончилось! Невероятно! Хотя почему невероятно? Его и было-то с гульки нос! Все сообразили одновременно и потрясенно молчали. Возможно, не только у сержанта возникло глупое желание плюнуть на все и броситься за борт. Доплыть, пока берег близко?.. Полное самоубийство! В таких волнах, да на лютom холоде выжить в принципе невозможно.

Берег отдалялся, баржу уносило в открытое море с какой-то нереальной скоростью! Скукожилась пирс, расплывалась груда ломаного железа, удобная Китовая бухта, в которой за снежной метелью просматривались электрические огоньки. На барже не имелось ничего, чем можно подать сигнал бедствия, – ни фальшфейеров, ни ревуна! В открытом море качка была не такой сильной. Ахмет метнулся к бортовой рации. Бесполезно, все повреждено, антенна сорвана, в эфире даже скрип не прослушивался. Четверо солдат остались одни посреди неистовой стихии.

Впрочем, неподалеку болталось еще одно ржавое корыто. Как и баржу, его тащило в море. Проявлялись очертания списанного торпедного катера.

– «Неустршимый»... – потрясенно прошептал Серега.

– Устрашили, мать его так! – Федорчук надрывно захохотал.

Парней охватывало какое-то липкое оцепенение. Вроде бы живы, но муторно на душе, страшно. Судно монотонно качалось, волны перехлестывали через борт, заливали палубу, вступали в «ледовую» реакцию с коркой снега. Какое-то время теплилась надежда, что все изменится, волны прибьют баржу обратно к берегу, но этого не происходило. Земля отдалялась с катастрофической скоростью. Электрические огоньки уже не мигали, скалы превращались в еле видимую пунктирную линию.

– Вот это да! – выразил всеобщее настроение Полонский. – Это получается, что мы из армии дезертировали?..

– Глупости не говори, – резко перебил его сержант. – Мы потерпели бедствие, что тут непонятного? Далеко не унесет, нас найдут. Уже утром, это же элементарно! Вот кончится буря, объявят масштабные поиски. Советские люди друг друга в беде не оставляют, зарубите на носу.

– А до утра?.. – вздрогнул Серега.

– Рация! – Ахмет хлопнул себя по ушанке. – В кубрике переносная рация!

Настало время покинуть спасительную рубку. Солдаты по одному выбирались на улицу. Неистовствовал ветер, потоки воды обливали с ног до головы. Скатывались с лестницы, мертвой хваткой вцепляясь в перила, ныряли на нижнюю палубу. Вырывало «сухопутного» Серегу, и все, что он наделал, тут же смыло волной.

Задыхаясь, кашляя, солдаты ввалились в кубрик. Горючее иссякло, замолк генератор, подающий напряжение на лампы, и на нижней палубе воцарилась глухая темень. Где-то были фонари и свечи. Даже здесь под ногами хлюпала вода. Она просачивалась через болтающуюся дверь.

Свечи нашлись недалеко от вешалки, где караульные и члены команды оставляли верхнюю одежду. Там имелся железный шкафчик, прибитый к стене. Его содержимое не пострадало. В шкафу хранились свечи, небольшой запас спичек, хозяйственное мыло. Несколько свечей закрепили в кронштейнах на стене. Бойцам оставалось лишь гадать, для чего они предназначались изначально.

Зыбкий свет озарил мерно покачивающийся кубрик, в котором царил форменный беспорядок. Стол зажалось между буржуйкой и стеной, но ни то ни другое не пострадало. Печку залило водой, ощущался запах дыма. По полу разбросаны дрова, уголь, перевернутые табуретки, посуда, консервные банки, вещевые мешки. Пара автоматов устояла в пирамиде, остальные вывалились, мокли в воде. Плавали подсумки с запасными магазинами. Кисли сброшенные с нар матрасы.

Серега и Федорчук бросились спасать оружие, Ахмет вертелся, отыскивая рацию. Дьявол! Она вдребезги разбита! Во время шторма ее стряхнуло с полки, швыряло от стены к стене, корпус развалился, в нем зияли огромные вмятины. Впору было выть от отчаяния.

Ахмет застонал, рухнул на ближайшие нары и принялся уговаривать сам себя:

«Все в порядке. Все штатно. Самое главное, что ты живой и все твои люди тоже. Баржа не тонет, остальное – ерунда, справимся, выкрутимся».

– Ну, здесь хотя бы еще тепло, – проворчал Федорчук, обрушиваясь на соседние нары.

– Какое тепло, минус сорок. Водка разбилась! – ахнул Филипп, бросаясь к вещмешку, валяющемуся посреди кубрика.

Он судорожно рвал завязки, бормотал, что это очень обидно. Парень купил эту водку у знакомого спекулянта в Знаменском. Красная цена – двадцать один рубль, а он отдал целых двадцать пять! Солдат выхватил из мешка примитивный полулитровый «сучок» с картонной пробкой, залитой красным сургуком, и облегченно вздохнул. Цела, зараза!.. Филипп засмеялся, хотя было, в общем-то, не до смеха.

– Единственный положительный момент, товарищи бойцы. Есть желающие?

– Отставить, – проворчал Ахмет. – Рановато праздновать.

– Так замерзли же. – Серега стучал зубами. – Выпить нужно, командир, а то окочуримся на хрен.

– Отставить, я сказал! – повысил голос Затулин. – Полонский, спрячь бутылку, потом разберемся. Заняться больше нечем?

Что-то было не так. Да, черт возьми, все было не так! Но нет, во всем этом ужасе, который, казалось бы, стабилизировался, имелось что-то, особенно беспокоящее. Баржа раскачивалась во всех возможных плоскостях, и все же он почувствовал какими-то «нивелирами» в

организме, что носовая часть немного накренилась. Снова жарко стало в голове. Пробоина! Тонем! Он в ужасе вскочил.

Нет, спокойно, без суеты. В барже имеются герметичные отсеки, в том числе двойное дно. Они не дадут ей быстро затонуть. Ахмет лаконично отдавал приказы, хотя в голове царил каша. Он неважно ориентировался в морском деле, но это ничего, в детстве плавал по Волге на катерах, отец был капитаном пассажирского теплохода. Не такой уж он профан! Дрожащие от холода люди взяли горящие свечи и поволоклись в трюм через машинное отделение. Особых повреждений там не наблюдалось, только солярка из двигателя вылилась на пол. Картошка, хранимая почему-то именно здесь, рассыпалась и благополучно мокла в солярке.

– Полонский, собрать картошку, – распорядился Ахмет.

– На хрена? – удивился боец. – Ее же есть теперь невозможно, она в мазуте вся. Ты что, Ахмет, зимовать на этом корыте собрался?

– Разговорчики, – отрезал Затулин. – Собрать, говорю.

Качка становилась терпимой, солдаты уже не летали от стены к стене. Они спускались в трюм, держа свечи над головой. Федорчук первым провалился в воду и взвыл, когда лютый холод пробрал до костей. Носовую часть действительно затопило. Часть перекрытий между днищами оказалась сломанной, туда он и ухнул. Парень согнулся в три погибели и медленно пробирался вперед. Было слышно, как клацают от холода его зубы. Остальные остановились. Всей толпой в суженном пространстве делать было нечего.

– Может, помпой откачаем? – неуверенно предложил Серега, присаживаясь на корточки. – Тут вроде есть ручная помпа.

Водоотливная помпа на борту действительно имела, а также весь набор рукавов и шлангов. Но какой смысл откачивать воду, если она продолжает поступать через пробоину? Нужно отыскать повреждение – всем хотелось верить, что оно не фатальное, – ликвидировать течь, а уж потом откачивать.

Ахмет рублеными фразами обрисовал ситуацию и осведомился:

– Вовка, справишься?

– Ох, грехи наши тяжкие, – бормотал из полумрака Федорчук, который едва мог говорить, зубы выбивали чечетку. – Справлюсь, мужики, вы только все сюда не лезьте, самому тесно. Не знаю, как вы меня отогревать будете, я уже дуба даю. – Он полез в темноту по пояс в воде, обо что-то запинался, бился головой, медленно продвигался к носу.

– Полонский, живо в кубрик, – приказал Ахмет. – Делай что хочешь, но чтобы печка горела, было сухо, тепло, никакой воды на полу и полный порядок во вверенном помещении. Живо! Мы ноги протянем без сушилки, понимаешь нехитрую мысль?

– И кантики на кроватях не забудь подбить, – стонал из темноты Федорчук. – Не вздумай водку там пить, мы проверим!

– Ахмет, ну как же так? – расстроился Филипп. – Вы тут сопли морозить будете, а я там словно баба какая-то...

– И почему мне приходится несколько раз повторять? – вскипел Ахмет. – Ты словно и не в армии, боец. Вперед! Твой фронт работ не менее ответственен, чем наш. Будет нужда, позовем, сменишь.

Через пару минут дубеющий от холода Федорчук отыскал пробоину. От удара о ледовую корку шов в борту разошелся на несколько сантиметров чуть выше ватерлинии. Солдатам несказанно повезло! Образуйся течь ниже, и судно осело бы наполовину.

Последующие несколько часов на барже кипела лихорадочная деятельность. Бойцы собирали все, что находили в кубрике, в каютах, в незатопленной части трюма. Всем пришлось думать, проявлять смекалку, вспоминать все, что когда-то знали, но забыли. Отыскалась пакля, кусок брезента, рваная фуфайка. Из всего этого месива солдаты соорудили кляп, заткнули течь.

Федорчук уже ног не чувствовал. Его выволокли из воды и пинками спровадили в кубрик – греться. Прибежал Полонский, все втроем упали на заделку пробоины.

Кляп парни прижали к борту доской при помощи клиньев и распоров. Потом они соорудили жесткий пластырь из фанеры, обтянутой брезентом, который щедро вымочили в олифе. Отыскался молоток, гвозди, несколько брусков в качестве распорок, которыми приколачивали пластырь к борту. Щели затыкали паклей, вдавливали ее ломami, чтобы не вываливалась. Затычка держалась, но ноги от ледяной воды сводило судорогой.

– Не спать! – покрикивал Ахмет. – Пошевеливаться! Помпу к бою!

Солдаты выбросили на палубу рукава, один конец погрузили в затопленный трюм. Качали попарно, сменялись через несколько минут. Вода отходила неохотно, ее уровень практически не опускался. Полчаса невероятных усилий – и в насосе что-то треснуло, заклинило механизм.

Непобедимый русский мат взвился к потолку, сотряс судно.

– Сломалась, падла! Как же кстати, черт возьми.

– Без паники, – отрубил сержант. – Воду откачаем, никуда не денемся. Пятнадцать минут отдыха у печки, всем переобуться, сменить фуфайки. В каютах у гражданских имеется обувь и одежда. И милости просим вычерпывать воду из трюма. Ведрами, тазиками, мисками!.. Всем выстроиться цепью, работать, пока не свалимся.

Несколько часов солдаты таскали воду, трудились до полной мути в глазах, до хриплой одышки, до онемения всех конечностей. Полностью осушить трюм не удалось, да уже и не требовалось. Затычка держала, вода просачивалась, но незначительно.

– Шабаш, – хрипло возвестил Затулин. – Позднее усилим пластырь, прижмем его прочнее. На сегодня хватит.

Шатаясь, не чувствуя ног, военнослужащие срочной службы выбирались из трюма. Кашель сотрясал, лилось из носа. Ночь была в разгаре. Они понятия не имели, где находились, в какую сторону и на сколько миль их отнесло от берега. Во все пределы простирался бушующий, изрытый бурунами океан. Ни одного огонька на горизонте. Сыпал снег, ветер закручивал его в причудливые спирали. Мрачные тучи неслись на запад. Баржа монотонно качалась. Серые волны бились в борт, и каждый удар сопровождался оглушительным ревом.

Люди добрались до кубрика и попадали возле буржуйки, в которой весело потрескивал огонь. Дверца печки была распахнута, вокруг нее распространялось спасительное тепло. Отмирала кожа, потерявшая чувствительность. От перемены температуры нестерпимо ломило кости, терзала боль. Пол стараниями рядового Полонского был сухим. Парни стаскивали матрасы с нар – лежать на нарах в такую качку было смертельным номером – бросали их на пол возле буржуйки. Одежда задубела, встала колом. Приходилось раздеваться до белья. Хрипя от боли, бойцы растирали ноги. В соседних каютах у рачительных штатских имелись рваные свитера, ватные брюки с заплатами, истоптанные кирзовые сапоги. Водка, купленная у поселкового «коммерсанта», была просто царским подарком. У Полонского тряслись руки, когда он разливал по кружкам драгоценную жидкость. В один присест усадили бутылку, стонали от наслаждения, когда алкоголь потек по венам. Возможно, водка и зло, но именно она не дала загнаться в эту ночь измученным людям.

Парни сгрудились на матрасах вокруг печки, грели руки, ноги, смотрели на огонь воспаленными глазами. Разговаривать не хотелось. Полонский поднес наручные часы к печке, уставился на циферблат слезящимися глазами. На старенькой «Заре», оснащенной тонким кожаным ремешком, треснуло стекло, разбежались паутинки по циферблату.

– Половина восьмого вечера? – недоверчиво прохрипел Филипп. – Не может быть.

– Не может, – согласился Ахмет, изучив стрелки собственных «Командирских». – Два часа и восемь минут. Ночь. Шесть часов назад нас оторвало от причала.

– А на моих два часа и четыре минуты, – поведал Серега, ощутив и осмотрев свои часы. – Отстают, зараза, всю дорогу. Вот это да, пацаны, пронеслось время!..

– А ты, Филипп, свои «золотые» можешь выбросить. – Федорчук вздохнул и сунул в печь сырое березовое полено.

– Не выброшу, – мотнул головой Полонский. – Пусть будут. Они все равно показывают правильное время дважды в сутки.

Он первым завалился на матрас и беспокойно всхрипнул. Серега Крюков испустил мучительный стон, словно его расстреливали, и рухнул боком. Вовка Федорчук нашел в себе силы притащить дрова, загрузил их в печку и тоже отбился без задних ног.

«Не усну, – подумал Ахмет, пристраиваясь на краю лежанки. – Буду овец считать».

Но перед глазами парня тут же закружилась поземка. Его поволокло в зияющую воронку.

Всю ночь неудобный кубрик напоминал прифронтowej лазарет. Беспрестанная качка сбрасывала людей с матрасов, швыряла от стены к стене. Ребят рвало. Хорошо хоть ведра смогли подтащить. Да, морскую болезнь еще никто не отменял. Утро было тоскливым и страшным. Печка прогорела, в кубрике царил жестокий холод. Лица солдат кровоточили, соль разедала ссадины и порезы. Они со стоном открывали глаза, ворочались, всклокоченные, бледные, с каким-то недоверчивым ужасом таращились друг на друга. Снаружи проникал рассеянный мглистый свет. Пол качался и через каждые несколько секунд куда-то проваливался, создавая ощущение невесомости. Половина десятого утра.

– Нас еще не нашли? – простонал Филипп, поднося к глазам сломанные часы. – Хотя зачем я спрашиваю?.. – Он сел на колени, принялся энергично растирать виски. – Черт, голова не соображает, сознание какое-то парализованное. Холодно здесь, пацаны. – Солдат передернул плечами. – Когда тепло-то станет?

– Летом, – пошутил Ахмет.

– Я весь просолился, – жаловался Федорчук, опухший, как алкоголик. – Можно меня разрезать. Во мне сало уже соленое. Может, перекусим, пацаны?

– Может, тебе еще и кофию в постель? – простонал Серега Крюков. – Не могу ничего есть, отдаю свою порцию нуждающимся. Как подумаю о еде, так сразу в бараний рог крутит. Слушайте, а где мы? – Парень привстал, и в глазах у него появилось что-то осмысленное.

Он покосился на распахнутую дверь, за которой завывал ветер. Косматые тучи заглядывали в кубрик. Ответа Сергей не дождался. Все подавленно молчали, прятали глаза.

– Так, подъем, – распорядился Затулин. – Отставить вредные мысли, никакой паники. Главное, что мы живы, родились не только в рубашке, но и в трусах. Всем помыться, почистить зубы, тепло одеться. Сдается мне, что на этом корыте непочатый край работы.

– Ох, не накарай, – предостерег Филипп.

Лучше бы они не выходили на палубу! На море продолжался шторм. Беззащитное суденышко носило по волнам. Ветер дул с невероятной силой, вихрился снег. Горизонт от края и до края был девственно чист. Только мерно вздымались волны и низко плыли кудлатые тучи. Положение солнца и направление дрейфа определить было невозможно. Как далеко отнесло «танкиста» от Курил и куда именно, оставалось только гадать. За прошедшую ночь судно покрылось толстой коркой льда, просело и снова завалилось на нос. Волны захлестывали бак, трепали болтающуюся аппарель.

– Потонем же к чертовой матери! – Ахмет схватился за голову и бросился в трюм.

Остальные поволоклись за ним. Трюм опять заливало. Затычка, слепленная на скорую руку, отнюдь не была панацеей. Пока вода плескалась лишь по щиколотку, но что мешало ей хлынуть в любой момент?

Сержант справился с эмоциями. Он был собран и настроен весьма решительно.

– Этот новый замечательный день – будь он трижды проклят! – посвящается борьбе за выживаемость судна! Не спать, не ныть. Пашем как негры. Федорчук и Крюков вооружаются ломami и вперед, на борьбу со льдом. Будет чем заняться, фронт работ обширен. Желательно

привязаться, чтобы за борт не унесло. Затулин и Полонский отчерпывают воду из трюма и сооружают капитальную затычку, чтобы больше к этой теме не возвращаться.

Они работали как проклятые на промозглом ветру, под снегом, давясь солеными брызгами. Лед откалывался с трудом, небольшими комками, отнимались руки. Солдаты долбили окаянный припай, надрывались, делали короткие передышки и снова набрасывались на «фронт работ», возмущенно сопя. О том, что через несколько часов судно обрастет новыми слоями льда, они старались не думать. Сержант и Полонский таскали воду ведрами, потом вооружились досками и паклей. Ребята упрочняли затычку, изводя на нее последние запасы гвоздей и олифы.

Бойцы полчаса отдыхали как парализованные, а потом уже всем составом долбили окаянный лед, отбивали от бортов гигантские сосульки, сбрасывали их в море. За несколько часов вокруг баржи ровным счетом ничего не изменилось. Пора не летная. Суда без острой необходимости в такую погоду в море не выходят. Тайфун не думал прекращаться. Баржа дрейфовала, подхваченная неведомым морским течением. Уже не сыпал снег, только ветер продолжал завывать, гоня жутковатые волны. К волнам парни уже привыкли, смотрели на них без страха, хотя и с отвращением. Судно выровнялось, обрело прежние очертания, хотя и смотрелось среди волн довольно глупо и печально.

День пронесся – даже не заметили. Лишь к шести часам вечера солдаты завалились в кубрик, разожгли огонь. Они дождались, пока пойдет тепло, и стали стаскивать с себя задубевшую одежду, сушили портянки, превратившиеся в зловонные половые тряпки.

– Водка есть? – прохрипел Серега и уставился на Филиппа взором принципиального и требовательного комсорга.

– Я тебе что, склад? – удивился Полонский. – Две бутылки было, на свой страх и риск в караул пронес. Третьей нет, уж извиняй. Мне за это, между прочим, четкая гауптвахта светила. Я вообще, если хочешь знать, непьющий. На гражданке крепче шампанского в Новый год не пил ничего.

Вот теперь проснулся дикий, неумолимый голод. Едва придя в себя, оттаяв, бойцы набросились на еду. Они вскрывали банки с сухим пайком, предназначенные караулу на обратную дорогу до Знаменского, кромсали оставшуюся половинку буханки ржаного хлеба. Жадно ели, давились. Но когда оголодавший Федорчук схватился за вторую банку, Ахмет решительно ее отнял.

– Ты чего? – не понял Вовка и растерянно хлопнул глазами.

– Он прав. – Полонский удрученно вздохнул и принялся вымазывать хлебным мякишем остатки каши на стенках банки. – Нужно экономить.

– Ерунда, – фыркнул Серега. – Нас скоро найдут и накормят. Вот кончится шторм...

– И на нас обрушится вся спасательная мощь Тихоокеанского флота СССР. – Филипп язвительно ухмыльнулся. – Плывут пароходы, летят вертолеты – где тут наши загулявшие мальчиши?

– Возможно, и обрушится, – рассудительно изрек сержант. – Или нет. Давайте рассуждать. То, что баржа сорвалась с привязи, Гончаров обнаружил еще утром. Или даже ночью, если он не совсем безответственный тип. Думаю, что у спасательных команд хватает и другой работы. Тайфун хорошо потрудился в Китовой бухте. Никто не видел, как нас оторвало от пирса и как мы пытались выброситься на берег. Другое дело, если бы нас унесло вместе с грузом. Тогда бы нас искали и нашли, невзирая на шторм. Но груз доставлен по адресу, на барже помимо вооруженного караула нет ничего важного и секретного. Сама эта посуда практически металлолом, ее давно пора в утиль...

– Да как ты можешь? – возмутился Серега. – Самое главное в нашей стране – это люди! Командование не может просто так бросить нас на погибель! Мы же не в Америке живем!

– Не ори. – Ахмет поморщился и переглянулся с Полонским.

Лица у обоих сделались печальными и скорбными. Возможно, эти двое знали то, чего не знал Серега.

– Первое, – продолжал Ахмет. – На носу ответственные учения, на которые с надеждой смотрит вся страна, так что у командования хватает и других забот. Второе: никто не сомневается в том, что спасательная команда прошла по берегу, обнаружив исчезновение баржи с караулом. И что они увидели? – Сержант нахмурился и неприязненно уставился на подчиненных. – А увидели они выброшенные на берег ящики от угля, емкость с машинным маслом, прочую фигню, отвалившуюся от баржи. А главное, бочонок с питьевой водой или то, что от него осталось. Я замаялся упрашивать вас спустить эту штуку в кубрик! – Он не сдержался, сжал кулак. – И теперь по вашей милости у нас осталось только вот это. – Ахмет выстрелил пальцем в аналогичный алюминиевый бачок, в котором воды оставалось чуть меньше половины. – Никто не пробовал пить соленую воду? – поинтересовался он язвительно. – Ощущения особенные, уверяю.

– Ты от мысли не отвлекайся, – смутился Полонский.

– А мысль нехитрая. – Сержант пожал плечами. – Первое и основное, что напрашивается, – баржа затонула вместе с караулом, и искать ее нет смысла. Жалко, конечно, парней, но что поделаешь. Это армия, друзья мои.

В кубрике воцарилось унылое молчание. Федорчук удрученно разглядывал уцелевшую банку с гречневой кашей. Серега возмущенно пыхтел и подыскивал убедительные аргументы. Полонский выразительно разглядывал бак с водой. Ничего удивительного, что после такого откровения ему страшно захотелось пить.

– Но позвольте, – выискивал аргумент Серега. – Допустим, наши не будут нас искать. Сомнительно, но допустим. Но нас ведь куда-то сносит, нет? Землю еще не объявили плоской? Если куда-то дрейфовать, то обязательно куда-то при... дрейфуешь.

– Ты карту видел? – поинтересовался Филипп. – Между прочим, в ленинской комнате висит.

– Да чушь, – фыркнул Серега. – Я знаю, что это океан, но тут же плавают множество судов! Неужели никто не поделится с нами горючим и картой? Мы сами можем вернуться в Китовую бухту. Нас ведь недалеко отнесло, да?

– Серега прав, – неохотно признал Ахмет. – Мы можем рассчитывать только на помощь судов, проходящих мимо. Но, сидя в кубрике, мы вряд ли кого-то заметим. Будем стоять на посту. Каждый по пятнадцать минут. Можно забраться в рубку – там не так тоскливо. Сигнализировать нечем. Предлагаю сделать следующее: расчистить на палубе площадку, сложить там дрова, облить их маслом для дизеля – в машинном отделении весь пол этой гадостью уделан, – укрыть брезентом, а когда возникнет судно, учинить веселый пионерский костер. Можно, в общем-то, постоянно на посту и не торчать, – допустил Ахмет, – но периодически бегать и проверять горизонт. Ну что, товарищи бойцы, есть желающие поработать на сон грядущий?

Снова была ночь, исполненная болтанкой и ужасными снами, хмурое пасмурное утро. Одуревшие, измученные, с опухшими лицами, они таращились друг на друга. Затопили печку, съели на четверых две банки каши из сухого пайка и потащились на палубу. Шторм, как ни странно, стихал, снег уже не сыпал. Море мерно вздымалось, угрожающе серое, практически черное, словно кожа гигантского животного, под которой перекачивались многочисленные волдыри. Температура повысилась на несколько градусов, но за ночь к бортам все равно налипли ледяные сосульки.

– Нужно размяться, – объявил Ахмет.

Вся команда снова взялась за ломы и лопаты, дружно обламывала ледяные наросты. А потом парни в оцепенении стояли, прижавшись к борту, грызли сосульки, всматривались до

боли в глазах в зыбкую, еле различимую линию в том месте, где пасмурное небо смыкалось со строптивым морем.

– Продолжаем относиться к приключению с юмором или начинаем паниковать? – спросил убитым голосом Полонский, когда караул в полном составе вернулся в кубрик.

– Нет, я верю в оптимистический финал, – не очень уверенно сказал Серега. – Это скоро кончится.

Филипп невесело рассмеялся и заявил:

– Полтора года тебя, Серега, знаю, а в тебе еще столько всего оптимистического!..

– Так, не раскисать, – объявил Ахмет и потер скулу, которая начинала обрастать щетиной. – Объявляется день тотальной инвентаризации. Мы должны провести ревизию и составить полный список всего, что имеем. Не исключено, что в этом корыте нам еще придется болтаться несколько дней, а то и неделю. Никакой махновщины, все продукты и прочие предметы жизненной необходимости должны быть учтены и лежать на своих местах. В одиночку никто не ест и воду не пьет, уяснили?

– Точно, – ухмыльнулся Филипп. – Социализм – это тотальный учет и контроль. Еще электрификация, но это нам, слава богу, не грозит. Хороший у нас сержант, – похвалил он. – Всегда найдет, чем людям заняться.

– Не ерничать, – нахмурился Ахмет. – А также попрошу обходиться без заявлений, которые можно трактовать двояко. – Он насмешливо покосился на насупившегося Серегу. – И чего застыли, бойцы? Особого приглашения ждем? Сейчас дождетесь у меня! И чтобы побрились все!

Через сорок минут выяснилось, что побриться на барже можно только топором. Бритвенные принадлежности караул с собой не брал – уезжали в командировку на два дня. Солдаты еще раз убедились в том, что рация разбита вдребезги и восстановлению не подлежит. В крохотных каютах экипажа не нашлось ничего интересного, кроме старой одежды, посуды и небольшого пакета с перловой крупой. Все свое экипаж унес с собой в Пионерское. Солдаты обшарили каюты, рубку, трюм, машинное отделение, стащили в кубрик все, что имело даже условную ценность.

В наличии имелись восемь пачек «Беломорканала», произведенных Ленинградской фабрикой имени Урицкого, шесть коробков спичек, три бруска пахучего хозяйственного мыла. Аптечка с небольшим запасом аспирина, ваты, бинтов, а также вазелина с зеленкой. Четыре ведра угля, запас дров, от которого уже значительно убыло. Топор, ломы, плотницкий и столярный инструмент, прикладная ценность которого вызывала резонные сомнения. Имелись автоматы, одеяла, одежда на любой сезон, в том числе гражданская, запас парафиновых свечей, стоптанные ботинки, кеды, несколько бесхозных кирзовых сапог, стопка газет: «Красная звезда» и «Правда».

Филипп Полонский с невольным интересом перебирал потрепанные книги: «Мартин Иден» Джека Лондона, Майн Рид, Фенимор Купер, «Таинственный остров» Жюль Верна, «Пятнадцатилетний капитан» того же автора, новенькая брошюрка «Наставление по стрелковому делу», Устав гарнизонной и караульной службы.

Вся компания хмуро уставилась на пухлый дерматиновый портфель, оставленный лейтенантом Гончаровым. Парни переглянулись, пожали плечами и вскрыли его. Деликатесы, к сожалению, оттуда не вываливались. Начальник караула питался тем же пайком, что и солдаты. Основу багажа молодого лейтенанта составлял махровый свитер и увесистые «Приключения бравого солдата Швейка». Пара теплых носков, земляничное мыло, зубная щетка с дефицитной пастой «Поморин», глупые войлочные тапочки. Их, видимо, сунула жена, а лейтенант постеснялся извлекать из портфеля, чтобы солдаты за спиной не смеялись. Ага, можно подумать, они и так этого не делали!

– Уберите это барахло куда-нибудь подальше, – поморщившись, распорядился Ахмет. – А то будет потом орать, что мы его ограбили. Мыло только оставьте и пасту. Не лезет уже в меня этот зубной порошок. И книгу с тапками... Ладно, давай сюда. – Затулин отобрал у Федорчука офицерскую собственность и бросил в груду «нужных вещей».

Горка с продуктами получилась незначительной. Солдаты уныло разглядывали две банки тушеной говядины, мешочек с крупой, задубевшую четвертинку ржаного хлеба, полстакана байхового чая. Из сухого пайка, выданного на двое суток командировки, осталась банка гречневой каши, три банки перловки, четыре упаковки галет.

– Почему картошку не принесли? – нахмурился Затулин.

– Издеваешься, Ахмет? – вспыхнул Полонский. – Она же вся в мазуте. Это яд. Наши нежные организмы...

– А ну, бегом!

Через пару минут Филипп приволок, чертыхаясь, полтора ведра измазанной картошки и початую двухлитровую банку свиного жира, неведомо каким ветром занесенную в машинное отделение и не разбившуюся в ходе шторма. Кучка продуктов заметно выросла в отличие от настроения. С питьевой водой дела обстояли еще хуже. В пятидесятилитровом баке оставалось чуть меньше половины. В ходе катаклизма он перевернулся, но крышка крепилась герметично, и драгоценная жидкость не утерялась.

– Маловато, мать ее. – Федорчук тоскливо покарябал всклокоченный затылок.

– Продержимся, – самонадеянно заявил Затулин. – Закончится в баке, сольем пресную воду из двигателя. Правда, она тоже с соляжкой.

– Ты убить нас хочешь? – Полонский опасливо поежился. – Это же чистой воды яд, пацаны!

– Да уж, чистой воды, – хохотнул Федорчук. – О чем вы, парни? У нас вся баржа облеплена льдом! Лед – это пресная вода, нет? Запасемся, набьем все емкости.

Тупо посмотрели друг на друга. Действительно, в мозгах прорехи. Элементарные мысли в голову уже не лезут.

– А что у нас из емкостей? – задумался Полонский. – Несколько ведер – половина из них уже дырявая, тазик, миски, тарелки, вот эта фигня. – Он кивнул на бак с питьевой водой. – Еще есть бензобак, в который вы лед не затолкаете...

– Успокойтесь вы, – небрежно отмахнулся Серега. – Вас послушать, так вы до лета собрались плавать по морю-океану. Ну, день или два. Будь я проклят, если нас не подберет какое-нибудь судно. В этом океане множество судоходных путей, неужели нас никто не заметит? Из Америки, Японии, из Азии, из Советского Союза, черт возьми!..

– Все-таки будем экономить, – возразил Ахмет. – Емкости заполним, но в день на всю компанию расходует не больше двух литров воды из бака. То есть каждому по полной кружке. Хотите, сразу выпивайте, хотите – растягивайте. Лед грызите. – Он криво усмехнулся. – Но чтобы не ныли и не упрашивали. То же самое с едой. Норма на сегодня: две банки перловки. На всех. Доедим хлеб.

– А завтра разгрузочный день. – Филипп натянуто хихикнул и немного побледнел. – Будем питаться перловой крупой.

– Ты угадал, – удивился Ахмет. – Именно так и будет.

– Я не понимаю, – всплеснул руками Серега. – Чего с ума-то сходить? Мы что, Робинзоны Крузо? – Парень замолчал и покраснел, когда не встретил одобрения в лицах товарищей. – Ну ладно, – примирительно забормотал он. – Давайте поголодаем, вернемся в часть стройными, помолодевшими.

– И с дровами как-то не совсем, – отметил еще одну большую проблему Федорчук. – Такой дубак, блин! В общем, на неделю-то хватит, – прикинул он на глазок запасы чурок и угля. – А потом не знаю, придется перегородки ломать.

– Я немного начитанный... – как-то издали и смущенно, словно в этом было что-то порочное, начал Полонский. – «Вокруг света» люблю, все такое. Да и на память не жалуюсь. К чему я, собственно? – Он сглотнул, подумав о чем-то тревожном. – Давайте представим, что в ближайшее время нас не найдут и нам предстоит скитания по океану. Мимо Курил и северной оконечности Японии проходит холодное течение Оясио. Полагаю, именно оно нас подхватило и куда-то несет. В прошлом веке, да и в нынешнем, японские рыбаки, бывало, терпели бедствие у своих берегов. Джонки теряли управляемость и плыли по течению. На выходе из Оясио их подхватывало теплое течение Куроисио. «Синее течение». Есть и другое название... – Филипп замешкался, но все же озвучил: – «Течение смерти». Немногим удавалось вырваться из его плена. Джонки дрейфовали по океану месяцами, их носило сложными зигзагами в стороне от судоходных трасс. Было много случаев, когда японские лодки, попавшие в Куроисио, находили много месяцев спустя – то у Калифорнии, то у берегов Мексики. Живых там не было – сгнившие трупы. Есть такая легенда, что даже рыбы и птицы боятся пересекать «течение смерти», обходят его стороной.

– Ты это к чему? – напрягся Ахмет.

– А к тому... – голос у Полонского немного осип. – Если через несколько дней мы войдем в Куроисио, то дрова уже не понадобятся. Тепло там.

– Вот же мать твою!.. – выругался Серега.

– Не говори, – согласился Ахмет, скорчив пренебрежительную гримасу. – Давно уже замечено, что излишняя образованность до добра не доводит. Вот скажи, Филипп, тебя за язык тянули?

– Не согласен. – Голос у Филиппа окончательно сел. – Предупрежден – значит, вооружен. Мы должны четко представлять, с какими опасностями столкнемся в ходе нашего героического плавания. Да ладно, мужики, шучу я. – Он бледно улыбнулся. – Не в девятнадцатом веке живем. Сейчас и связь, и самолеты, и быстрые суда. Даже спутник где-то там. – Он кивнул на потолок. – Все коварные течения уже изучены вдоль и поперек, в них нет ничего страшного.

Но через час он сам добавил в «мед» вторую ложку дегтя. Караульные валялись в кубрике после очередной разминки. Борта баржи обрастали липким льдом с какой-то сумасшедшей скоростью. Все емкости без дырок обложили ледышками, натолкали льда в бак. Серега и Федорчук возлежали на матрасах со скрещенными на груди руками, не хватало только свечек в головах.

Ахмет вернулся из рубки с печальным известием. Первое впечатление оказалось верным. Бортовая рация скончалась точно так же, как и переносная. Приборы молчат. Определить координаты судна невозможно. А даже определишь – что дальше? Их может нести на Аляску, может в Америку или даже в Индонезию в обход Японии. В любом случае юрисдикция Советского Союза в означенных районах как-то сомнительна и солдаты автоматически становятся дезертирами.

Филипп Поплавский перебирал газеты. Отсыревшие и скукожившиеся он отправлял под печку, остальным давал право на вторую жизнь и складывал их в аккуратную стопку.

– Смотри-ка, свежая, – удивился он, разворачивая номер «Красной звезды» за двадцатое декабря.

Газета действительно считалась свежей. Пресса в воинские части на Дальний Восток добиралась месяцами, отлеживаясь на всех станциях и полустанках. Данный экземпляр печатной продукции даже помяться не успел.

Филипп пробежал глазами по передовице, как-то криво ухмыльнулся, перевел взор чуть ниже, потом в сторону, опять вернулся и начал всматриваться в колонку, озаглавленную «Сообщение ТАСС». Что-то привлекло его в этой статье. Филипп вдумчиво читал и вдруг побледнел.

Метаморфоза подчиненного не укрылась от Затулина.

Сержант насторожился и спросил:

– Америка напала?

– Хуже, – пробормотал Полонский и как-то растерянно глянул на Ахмета. – Заявление ТАСС!.. Здесь сказано, что советское правительство объявляет об испытаниях баллистических ракет для запусков тяжелых спутников Земли и межпланетных полетов. Указаны координаты района Тихого океана, где будут проводиться стрельбы. Сорок градусов северной широты... Черт! – Он не стал читать координаты. – В общем, до Гавайских островов. С пятнадцатого января по пятнадцатое февраля советское правительство убедительно просит соответствующие ведомства сопредельных государств дать указания капитанам судов не заходить в район испытаний, поскольку данный квадрат является небезопасным для мореплавания.

Поднялись все, сгрудились над Филиппом. Несколько минут солдаты переваривали прочитанное, потом стали растерянно переглядываться.

– И что? – не сразу въехал Федорчук. – Ну и пусть пуляют, чтобы империалисты нас боялись. Намекаете, что нам на голову может прилететь какая-нибудь болванка? Да ладно. – Он преувеличенно бодро засмеялся. – Наоборот же! Если по нам стрелнут, то быстрее найдут.

– Хорошо тебе, Вовка, – вздохнул Филипп.

– Это почему мне хорошо? – обиделся Федорчук.

– А потому, – огрызнулся Полонский. – В мире много великих и умных людей, но тебя среди них нет. Что тут непонятного? Мы в курсе, что готовятся учения, но никто не знал, на какую тему. Район стрельбы – это тот самый, где мы сейчас находимся! Значит, искать нас в этом квадрате не будут. Значит, посторонних судов, у которых мы можем попросить помощь, тоже не предвидится! Район закрыт для плавания. Они же не сумасшедшие. Зачем лезть под наши баллистические ракеты, если проще это дело обогнуть? И как же вовремя, черт возьми, – с пятнадцатого января по пятнадцатое февраля!

Прозревшие солдаты потрясенно помалкивали, вникали в масштаб разверзшегося бедствия. Полонский злобно скомкал газету и бросил в топку.

– Да ладно, – неуверенно пробормотал Серега. – Неужто совсем никто не плавает? Ну, боятся нас, конечно. Но ведь самолеты летают? – Он с надеждой уставился на бледнеющего сержанта. – Мы можем на палубе что-нибудь написать, и сверху увидят.

– Точно, – согласился Филипп. – «Народ и партия едины». И нас спасут.

– Не кощунствуй, – разозлился Серега. – Напишем, что обычно пишут: SOS или как там его...

– Напишем, Серега, напишем, – скрипнул зубами Ахмет. – Кровью. Или углем. Как только снег растает. – Сержант погрузился в мрачную задумчивость.

– Ну все, – обреченно вымолвил Полонский. – Сейчас наш командир заявит, что самая лучшая профилактика от вредных мыслей – работа на свежем воздухе. Боже правый, как мне надоело воевать со льдом!..

Ночью вновь усилился шторм, разгулялись волны. Парней мутило, они по очереди бегали в крохотный галюн, где обнимались с разбитым унитазом и выворачивали душу. Мрачное утро не отличалось от предыдущего – свинцовые тучи над головой, вихрился снег. Иногда он прекращался, и с неба проливался ледяной дождь, находиться под которым было в принципе невозможно.

Злобный тайфун долго не желал отпускать свою жертву, но к одиннадцати часам шторм ослабел, море практически успокоилось. Парни снова в качестве зарядки долбили лед, облепивший борта, сгребали снег с палубы. Потом курили, окутывая кубрик прогорклым дымом не самого качественного табака. Варили перловку в морской воде, добыть которую не представляло никакой сложности, имея веревку и несколько котелков.

– Хорошо, что солить не надо, – прокомментировал Серега, тоскливо взирая, как попыливает в котелке на буржуйке подозрительная серая масса.

– Мясо будет на ужин, – сообщил утешительную весть сержант. – Для тех, кто этого заслужит.

Перловка без ничего была лишь условно съедобным продуктом. В армейских кругах ее презрительно величали шрапнелью. Но ели за милую душу, облизывали миски. Потом бойцы нагрели воды и заварили байховый чай, оказавшийся к их удивлению вполне приличным и ароматным.

– Шоколада нет, – предупредил перед началом чаепития Ахмет. – Он сегодня воображаемый. – А как закончили трапезу, сержант сообщил еще одну, не самую приятную новость: – Обед не будет, товарищи бойцы. Он совмещается с ужином и назначается на восемнадцать часов.

– Да ладно, жить можно. – Федорчук сладко потянулся, перетащил матрас на голые нары и погрузился в глубокий «предобеденный» сон, успев пробормотать: – А в части сейчас на стрельбище побежали бы. Мы в отпуске, пацаны, почти гражданские люди.

О последствиях, связанных с оставлением места службы, да еще и с оружием, думать пока не хотелось. Остаток дня караул дежурил по очереди в рубке, вглядываясь в надоевший морской пейзаж. Временами парни опасливо косились на пасмурное небо. Не рухнет ли на голову отвалившаяся ступень баллистической ракеты?

Неутихающий тайфун гнал на запад пенистые волны. Потеплело, временами из туч прорывался дождь. В такие периоды лед, облепивший борта, превращался в кашу, отбивать его не составляло труда. Парни снова набили им емкости, а потом лениво болтали в кубрике. С наступлением вечера они зажгли свечи и расставили их по периметру. Дверь на палубу пришлось закрыть – любопытный ветер имел привычку забираться во все уголки. Затулин лениво медитировал, что-то напевал под нос, Федорчук маялся от безделья, поглядывая на часы, – не за горами был обещанный сержантом обед, совмещенный с ужином. Филипп Полонский читал потрепанную книжку, пристроив рядом консервную банку с коптящей свечой.

– Что читаешь? – зевнув, пробормотал Федорчук.

– «Войну миров».

– А почему такая тонкая? – не понял Вовка.

Полонский удивился. Потом до него дошло.

– Запомни, Федорчук, «Война миров» и «Война и мир» – это разные книги. И авторы разные, а также художественная направленность и социальный посыл. – Федорчук обиженно скукислся, на нарах сдавленно захихикал сержант, и Полонский добавил – Прости, я не хотел тебя обидеть. Но здорово вышло, да? – Он подмигнул и залился простуженным смехом.

Третье утро, последние две банки перловой каши с мясом, чай. «Радостное» открытие: всю ночь валил густой снег, на палубе можно рыть окопы, а баржа превратилась в навороченный ледовый городок.

– Ну все, – обреченно пробормотал Серега. – До ужина будет чем заняться. Ну что, пацаны, все на штурм ледового городка?

Холодное течение снова преподносило сюрпризы. Разгулялся шторм, баржу вертело и трепало. Отвалилась рифленая подошва от аппарели и теперь постоянно издавала на ветру зауспокойный раздражающий звук, вроде трещотки из набора музыкальных инструментов у отсталых народностей. Находиться на палубе в такую погоду было чистым самоубийством.

– Прибраться в кубрике! – распорядился сержант, обозрев последствия шторма в отдельно взятом жилом помещении.

– Слушаемся, товарищ сержант! – Полонский шутливо вытянулся. – Есть переместить весь хлам в самые незаметные места.

На ужин снова была перловая крупа. Остатки ссыпали в стакан – получилось с горкой. Все четверо сидели кружком, меланхолично разглядывали пыльную чудо-еду, произведенную

из ячменя по «старинным народным технологиям». Хотелось мяса! Но сержант категорически запретил покушаться, даже смотреть на последние две банки говяжьей тушенки.

– И чего мы ее гипнотизируем? – не выдержал Полонский. – Думаете, больше станет?

– Ну, если варить дольше, станет больше, – неуверенно изрек Серега.

– Варим половину, – принял непростое и заведомо непопулярное решение Затулин. – Серега прав, чем дольше варишь, тем сильнее она разваривается, и каши становится много. И нечего мне тут делать жалобные лица! – Сержант нахмурился. – Сами же потом спасибо скажете. Ну, чего уставились, как на врага народа? – разозлился он. – Вы что, не советские люди? Не научились хладнокровно сносить тяготы и лишения?

– Мы голодные советские люди, – пожаловался Филипп и поволокся с котелком за морской водой.

К тягостным пробуждениям, исполненным тоской у горла и спазмами в желудках, парни начинали привыкать. Качка становилась обыденным явлением. Иногда валяло больше, иногда меньше. Люди стонали, шевелились, открывали мутные глаза, обведенные темными кругами. Две свечи в алюминиевых кружках еще не прогорели. Они поднимались как мертвецы, ожившие и выбирающиеся из могил, осоловело смотрели друг на друга – опухшие, обрастающие щетиной, с тоскливой поволокой в глазах.

– Подъем, рота! – Сержант хрипел и откашливался. – Кто рано встает, тому бог дает.

– Чего он дает? – стонал Серега, растирая воспаленные глаза. – Пинка, что ли? Бога нет – научно доказанный факт.

– Кто рано встает, тому очень жаль, что он поздно лег, – предложил иную формулировку взъерошенный Полонский. – Полночи ворочался, уснуть не мог, а вы тут храпели, злыдни, убил бы всех по очереди. Хочу как улитка, – размечтался он. – Спать по три года, и чтобы никто не лез, и чтобы кормили из трубочки.

– Чем тут пахнет? – брезгливо морщился Затулин.

– Чем-чем, – огрызался Полонский. – Можно подумать, сам не знаешь. Потом, страхом, пепельницей, тряпками, дерьмом и блевотиной из клозета.

– Тьфу, блатной притон какой-то. Пустых бутылок не хватает.

– Полных не хватает, Ахмет, полных бутылок. Но мы тебя поняли. Завтрака не будет, пока не наведем порядок, не прочистим толчок и не проветрим помещение. А потом грянем наше дружное ура и наконец-то наедемся.

Парни снова сбились в кружок и уныло созерцали усохшую кучку продуктов: полстакана перловой крупы, две банки тушенки, картошку, вымоченную в солярке. От восьми пачек «Беломора» осталось пять. В баке растаял лед, и уровень воды немного поднялся.

– Много курим, – вынес строгий вердикт Затулин. – Отныне папиросы будем выдавать по карточкам.

– А также много едим и пьем, – подхватил Полонский. – Не по средствам, короче, живем. Четыре дня, а мы уже все съели. Ну вы и жрать, пацаны!.. Я, кстати, не шучу. – Он с усилием проглотил сгусток слюны. – Действительно надо экономить. Не знаю, как вы, а я эту гадость есть не намерен. – Он ткнул пальцем в картошку. – Это верное отравление желудка...

Серега Крюков отодрал крышку от банки со свиным жиром, обросшей какой-то скользкой мерзостью, сунул туда нос, потом ложку. Попробовал и весь позеленел, начал плевать.

– Гадость, блин, хуже рыбьего жира!

– Так, Серега уже поел, – пошутил Филипп. – Ему не накладываем.

Завтрак четвертого дня проходил в тягостной, но, в общем-то, дружественной обстановке. Серега кашеварил, остальные сидели за столом, вооружившись ложками, и смотрели голодными глазами, как он помешивает в котелке серо-бурую гущу, давая ей до предела развариться. Периодически кто-нибудь выходил на палубу, убеждался в девственной чистоте горизонта и с унылым видом возвращался. Каша, сваренная на морской воде, обладала специфич-

ческим ароматом, но это никого не трогало – съели и не заметили. Подогрелась в котелке вода, бросили в нее остатки заварки.

– На ужин – тушенка, – объявил, облизывая ложку, Затулин и хмуро уставился на полтора ведра картошки, одиноко прозябающие у стены.

– Только без картошки, Ахмет, пожалуйста! – взмолился Филипп. – Я серьезно тебе говорю, это есть невозможно. Представь, мы съедим эту дрянь, а завтра нас найдут – и что? Организмы уже отравлены!

– Хорошо, – колебавшись, согласился Ахмет. – Картошку оставим на потом. На ужин суп из тушенки. Разрешаю съесть только полбанки.

– Ну, едрит твою!.. – расстроился Федорчук. – И ведь не поспоришь.

– Полбанки? – изумился Филипп. – Ладно, Ахмет, однажды мы тебе припомним.

А на улице температура была плюсовая! Баржа выходила из зоны тайфуна. Море волновалось, но уже не столь возмущенно, а как бы по инерции. Можно было расстегнуть фуфайки. Ветер дул порывами. Облака продолжали нестись на запад, но в них наблюдались разрывы, сквозь которые голубело небо. Баржа дрейфовала в гордом одиночестве, горизонт во все стороны был чист. Никто не задавался вопросом «Где мы?». И так понятно, что четверо солдат удалялись в океан. Остатки льда, прилипшие к бортам, откололи за несколько минут, скорее по привычке, чем по суровой необходимости. Все, что не упало за борт, затолкали в ведра. Сходили в трюм – затычка держалась, воды на полу практически не было.

– Ну что, Ахмет, найдешь нам занятие? – осторожно осведомился Филипп. – Нельзя допустить, чтобы военнослужащие бездельничали. Можно, скажем, политинформацию провести, укрепить наши знания и боевой дух. Расскажи что-нибудь такое, чтобы душа завернулась.

– А укрепить боевой дух было бы кстати, – задумчиво изрек Серега. – А то мне как-то шухерно становится, пацаны. Получается, что мы сбежали из Советского Союза, плывем в Америку. С оружием!..

– Не говори, – покачал головой Филипп. – В то время, когда мировой империализм развязывает истеричную гонку вооружений, в самый разгар холодной войны, когда проклятая западная военщина только ищет повод, чтобы напасть на миролюбивый Советский Союз, – и тут такой подарок: четверо голодных караульных уже готовы напасть на Соединенные Штаты.

– Ты иронизируешь? – насупился Серега.

– Я предельно серьезен, – надулся Филипп.

– Ну хватит, – поморщился Ахмет. – Хрен вам, а не лекция. Вы и так умные. Объявляю парково-хозяйственный день. Чистим, драим, наводим порядок. Выбить одеяла, помыть полы и картошку. Желающие могут постираться. – Он как-то подозрительно поводил носом. – Нежелающим тоже не повредит. Танцуют все, короче говоря. Замеченные в лености и ненадлежащем исполнении своих обязанностей освобождаются от ужина. Вот с этого начните. – Он выстрелил пальцем в обшивку аппарели, болтающуюся на ветру. – Оторвать ее к чертовой матери. Чего она душу терзает?

– Сто одна картофелина, – скорбно объявил Федорчук, демонстрируя великолепие, разложенное на газетке у стены. – Отмыты до блеска. Красота.

Он словно издевался, разложил картофелины в десять шеренг – получился идеальный боевой порядок. Картофелины некрупные, словно калиброванные, чуть больше куриного яйца. Во главу боевого порядка Федорчук водрузил единственную, отличную от остальных, какую-то корявую, крупную, раздвоенную.

– Сыграем в сто одно? – неловко пошутил Серега.

– Надо же, центурия, – удивился Филипп. – А это кто? – Он ткнул в корявый клубень, возглавляющий строй. – Центурион?

Прошла неделя с памятного вечера, как разъяренная стихия оторвала баржу Т-36 от пирса. Море успокоилось, лишь иногда под порывами ветра начинало пучиться, но до светопреставления дело не доходило. Временами появлялось солнце, но его быстро закрывали набегающие тучи. Иногда прорывался дождь, но собрать воду не получалось – лишь по каплям. Растопленный лед уже ликвидировали, а теперь жалели, что поспешили. Заметно потеплело, топили печку лишь в том случае, если надо было что-то приготовить. Ночами сохранялся холод, но выручали одеяла и прочее тряпье, которого было вдоволь.

Когда выглядывало солнце, солдаты собирались на палубе или влезали в рубку. Они вглядывались в горизонт до мути в глазах, но ни разу за всю неделю не увидели ни одного судна! Пару раз доносился гул – над облаками пролетал самолет. Но кто это был, гражданский или военный, оставалось загадкой. Парни держали себя в форме, стирали одежду в морской воде, подшивали воротнички, постоянно искали себе занятие, чтобы не думать о еде. Но нехватка пищи с каждым днем ощущалась сильнее. Тушенка кончилась. Отвратительная субстанция под названием свиной жир уже не вызвала отторжения. Экономиться на куреве не получалось. Все яростно дымили, и после каждой выкуренной папиросы ненадолго возникала иллюзия сытости.

Исследовав уровень питьевой воды в баке, они приняли непростое решение сократить пайку воды на брата до половины кружки в день. В холод жажда донимала не сильно, но когда пришло тепло, организм стал требовать больше жидкости. Бойцы кляли свою недалекость – почему так быстро израсходовали растаявший лед?! Парни еще улыбались, шутили, беззлобно подтрунивали друг над другом, но лица их уже осунулись, глаза ввалились, физиономии все больше обрастали щетиной. Вследствие постоянной качки нарушалась координация движений, людей постоянно тянуло в сон.

– В буржуйке будем печь картошку, – подумав, сообщил Ахмет. – Чтобы не пропало ничего во время чистки. А там уж как хотите – можете с кожурой есть, можете чистить.

– Меня сейчас стошнит, – пожаловался Филипп. – Эта дрянь насквозь пропитана соляной, а вы еще предлагаете ее не чистить?

– Ничего, – ухмыльнулся Ахмет. – Скоро будем почитать за деликатес.

– Если выживем...

– Какая норма? – Серега набычился и явно нервничал – голод не тетка. – По паре штук на брата за один прием?

– Шестнадцать за сутки, – тут же подсчитал Филипп. – Получается на шесть суток, и пятерка – на развод.

– Как быстро ты считаешь, – удивился Федорчук. – Я так не умею.

– Тебе и не надо, – вздохнул Филипп. – Вроде бы нормально получается, вот только кто мне объяснит, пацаны, где мы будем через шесть суток?

Товарищи подавленно молчали. У них пока еще оставались силы сопротивляться голоду и мыслить разумными категориями.

– По штуке за один прием, – вынес безжалостный вердикт Затулин. – Хватит на двенадцать суток. И пятерка на развод, – закончил он со вздохом.

– Маловато, – разочарованно буркнул Серега.

– Жиром будем догоняться, – осклабился Филипп. – Отличное средство обмануть желудок. В этом жире калорий, между прочим, – как в экзотическом авокадо.

– Что такое авокадо? – спросил Федорчук.

– Не знаю, – пожал плечами Филипп. – Не ел никогда. Только читал про него. Фрукт такой тропический. Самый калорийный в мире продукт. Штуку съел на завтрак – и весь день довольный.

Вечер седьмого дня ознаменовался приготовлением картошки в мундире. Солдаты сгрудились возле печки и зачарованно смотрели, как под грудой угольков картошка обрастает

горелой корочкой. Ели все, даже Полонский, до последнего момента убежденный, что не прикоснется к этой дряни ни за какие коврижки. Он аккуратно очистил свою долю, дуя на пальцы, обнюхал ее со всех сторон, брезгливо скривился, зажал нос и принялся пробовать пищу зубами. Дух солянки был в избытке, работали рвотные рефлексy, но другого выхода не имелось. Картошка оставалась картошкой, какие бы насильственные действия к ней ни применялись.

– Она и в Африке картошка, – простодушно заявил Федорчук.

Он за минуту уничтожил свою порцию и уставился голодными глазами на Полонского, который еще гадал, с какой бы стороны ее попробовать зубами.

На «десерт» каждому досталось по три глотка подогретой воды.

– Что поел, что радио послушал. – Серега пожал плечами, изучив ощущения в желудке.

– Хорошо, если утром проснемся, – проворчал Филипп, которого почему-то очень угнетала съеденная картошка с «техническими добавками».

Этой ночью парни долго не могли уснуть. Страх Полонского передавался остальным. Люди помалкивали, сосредоточенно сопели.

– Есть хочу, – вдруг утробно вымолвил Федорчук.

– Надо же, новость, – хихикнул Полонский. – Ты прямо первооткрыватель, Вовка.

– А как у нас на судне с крысами? – вдруг задумался Федорчук. – Мерзость, конечно, но вроде мясо, нет?

– Не рыба, да, – сглотнув, подтвердил Полонский. – Нормальный мясной продукт четвертой категории. Ты видел хоть одну крысу на этой барже?

– Нет.

– Вот и я не видел. И никто не видел. Чего спрашиваешь? Крысы не идиотки, они, в отличие от людей, чувствуют грядущее кораблекрушение, успели, мерзавки, смотаться на сушу.

– А что насчет рыбалки? – тут же нашелся Федорчук.

Солдаты задумались. В поднятой теме что-то было, но возникали сопутствующие вопросы.

– Ну хорошо, – начал рассуждать Ахмет. – Опыт прожитых лет мне подсказывает, что в океане рыба водится. Представим, что под нашим днищем она блуждает просто непугаными косяками. Хотя я сомневаюсь, что в этом течении ее очень много. Удочку сообразим из обломанной антенны. Вместо лески используем капроновую веревку. Крючок заменит загнутый и наточенный гвоздь. Возникает вопрос: чем приманивать и на что, собственно, ловить?

– Берешь кусок мяса, насаживаешь на крючок и ловишь, – подсказал Полонский. – Можно и на картошку попробовать, но что-то мне подсказывает, что мы зазря ее изведем.

– Можно блесну сообразить, – сказал Серега. – Из ножа или еще какой фиговины. В общем, стоит подумать, пацаны. Ну не верю, – возмутился он. – Неужели мы не можем ничего придумать? Как жили люди, потерпевшие кораблекрушение, на необитаемых островах? Тот же Робинзон Крузо? Или эти... которые у Жюль Верна на «Таинственном острове»?

– Ну ты хватил, – засмеялся Полонский. – У Робинзона провианта было – гора! Ему общения по жизни не хватало, а всего остального – хоть завались. Козы, птицы, рыба... Хочешь, удочкой лови, хочешь, сетью, можно силки на пернатых ставить, а козы ему давали не только мясо, но и молоко, сыр, масло. Он один производил продуктов столько, сколько наш среднестатистический колхоз не делает. А ту четверку на «Таинственном острове» жизнь вообще баловала. Работай, развивайся, природа щедра и хлебосольна, ни тебе парткомов, ни тебе профкомов...

– А чем тебе парткомы не угодили? – ревниво среагировал Серега.

– Прости, увлекся, – спохватился Филипп. – Ты прав, Серега. Лучше что-то делать, чем вообще ничего не делать. Не получится – хоть время проведем, приблизим час нашего радостного спасения.

Утром взорам рядового состава караула, вылезшего на свежий воздух, предстало интересное зрелище. По палубе, давно оттаявшей от снега, под лучами утреннего солнца бегал кругами сержант Затулин. Он был обнажен по пояс, тяжело дышал, обливался потом, хотя температура не превышала восьми градусов по Цельсию. Пробегая мимо рубки, Ахмет сипло бурчал: «Восемнадцать... Девятнадцать...» На двадцатом круге он пошел шагом, начал делать разминку, приседания, потом принялся отжиматься от палубы.

Командир покосился на праздно любопытствующих подчиненных и буркнул:

– Чего уставились?

– Хлеба нет, так хоть зрелище, – вздохнул Полонский. – Мы бы лучше полюбовались на вертолет с символикой Тихоокеанского флота, но ладно, раз его нет... Ахмет, скажи, ты это всерьез? Такое занятие избавит нас от холода и жажды или только усилит то и другое?

– Вот поэтому я и не заставляю вас повторять мои движения, – проворчал Ахмет. – А мне это нужно. В здоровом теле здоровый дух, понимаете? Если хотите, присоединяйтесь, если нет – приказывать не имею права. А мне вот, в отличие от вас, лентяев, уже неплохо. – Он развернул плечи, надменно улыбнулся, но что-то пошло не так.

Сержант покачнулся, побледнел и прислонился к борту.

После обеда произошло еще одно событие. На подгибающихся ногах в кубрик втащился Вовка Федорчук со счастливой улыбкой и двумя полными ведрами. В них была вода, хотя на поверхности плавали подозрительные масляные пятна, отливающие перламутром.

– Вода, – торжественно объявил Федорчук, пристраивая ведра у стены. – Из двигателя слил. С маслицем, с солярочкой, но это ерунда. Там еще немного осталось – с полведра можно отжать.

Солдаты оживились, столпились у ведер. Серега сунул в воду грязный палец, за что едва не получил по шее, поднес его к глазам, понюхал, сделал скорбное лицо.

– Дегустировать будем? – спросил Филипп.

– Кто? – сглотнул Серега.

– Ты.

– Почему я?

– Ну как почему, – начал разглагольствовать Филипп. – По мнению некоторых мыслителей, вся наша жизнь – это медленная мучительная смерть. Есть множество способов ее ускорить.

– А ну отставить философию Гегеля, – поморщился сержант. – Ладно, расступились со своими нежными желудками. – Он опустился на колени, зачерпнул кружку почти доверху, выдохнул с таким видом, словно собрался выпить кружку спирта, сделал несколько осторожных глотков, печально воззрился на Серегу и передал ему посудину.

– Родничок живой? – без надежды спросил Полонский. – Полный букет, кто бы сомневался. Серега, пока не пей. Подождем полчаса. Если наш сержант кеды не отбросит и в козленка не превратится...

Но жажда была сильнее разума. Серега сделал три глотка. Федорчук слегка позеленел, но проглотил чуток сомнительной жижи.

Филипп закашлялся, однако чувства юмора не утратил.

– Полная гармония с картофелем.

– Пить можно, – заключил Ахмет. – Только осторожно. Дневной рацион увеличиваем на полкружки. Ведра в угол, никому не подходить. Не вздумайте перемешивать эту воду с нормальной питьевой. Будем закаляться, товарищи солдаты.

Навязчивая идея Сереги Крюкова поймать рыбу принимала маразматические очертания. Обломки антенны для удилица не годились, гнулись и ломались. Он долго возился в трюме, отыскал тонкую стальную трубу не первой свежести, привязал к ней веревку с загнутым гвоз-

дем. Получившийся крючок Серега по итогам раздумий обмотал паклей, смазанной свиным жиром, поплевал на него для надежности. Солдат посмотрел на небо как бы в поисках участия и забросил сомнительную снасть в море. Остальные невольно заинтересовались. Люди сгрудились у борта, ждали.

За час никто не клюнул, в чем не было ничего необычного. Возможно, рыба в здешнем течении не водилась, или она была не дура, чтобы вестись на невкусную паклю. Кончилось тем, что пакля размокла и сползла с гвоздя. Серега вытащил снасть, и все разочарованно уставились на голый крюк.

– Бесполезно, Серега, – резюмировал сержант. – Так ты ничего не поймает. Хватит жир переводить. Но попытка достойная, считай, что мы ее оценили.

– И что же делать? – стушевался Серега.

– Червей накопай, – подсказал Полонский.

– А ты что сделал полезного? – Затулин строго покосился на него. – Вовка воду добыл, Серега рыбу ловит, а с тебя какой прок, Филипп?

– Зарубку сделал над кроватью, – сообщил Полонский. – Восьмую. Двадцать четвертое января тысяча девятьсот шестидесятого года. Вот только в днях недели путаюсь. Да и ну их к черту.

Восьмые сутки завершились точно так же, как и все предыдущие. Печеная картошка, уничтоженная в гробовом молчании, «усиленная» пайка воды, от которой не прибавилось тяжести в организме, но дышать стало легче. После ужина упрямый Серега снова поволокся на палубу. Он не терял надежды извлечь еду из мрачных океанических глубин. Караул готовился отходить ко сну, когда он приволокся, ворча, что рыбалка сегодня никудышная. Но парень на всякий случай закрепил снасть за бортом, так что оставалась вероятность, что утро будет добрым. От комментариев товарищи отказались. Серега скинул бушлат, сунул его под голову и гордо замолчал.

– Непривычно как-то, пацаны, – глухо прошептал Полонский. – Трудное послевоенное детство, страна в разрухе, да и в пятидесятые было несладко. А вот не припомню, чтобы на полном серьезе испытывал голод. Нас из Ленинграда в сорок первом с матерью эвакуировали в Новосибирск вместе с заводом расточных станков. Она там работала на сборочном участке. Мама рассказывала, что голодали зверски, даже для рабочих пайка была урезана, люди у станков от голода качались. Но что я помню? Мне один год тогда был. А потом вроде все нормально, жили в двухэтажном бараке на улице Бурденко, не жировали, конечно, мясо пару раз в неделю, но ежедневно картошка, капуста. В Сибири с продуктами серьезных затруднений не было. А потом с каждым годом лучше становилось. Мать в гору пошла. Начальником цеха ее назначили. Единственная женщина в руководстве на заводе! Въехали в квартиру с высокими потолками – в отдельную, представляете? У меня своя комната была, до школы пять минут ходьбы, до электротехнического института, куда я поступил после школы, – восемь...

– Но ты сейчас в армии, нет? – напомнил Ахмет.

– Призвали, семестр не дали доучиться. Но это ерунда, отслужу – пойду дальше, местечко забронировано. В шестьдесят шестом закончу, стану инженером по летательным аппаратам.

– Отца не было? – спросил Серега.

– Был когда-то, – неохотно отозвался Филипп. – Кадровый военный, погиб в сороковом. Только заделал меня, а через месяц... – развивать эту тему Филиппу не хотелось, товарищи и не настаивали. – Всю жизнь прожили вдвоем с мамой. Она вторично замуж не вышла, все работа, карьера, потом меня накручивала, чтобы школу закончил на одни пятерки и обязательно поступил в институт. Пунктик у нее такой: личной жизнью жертвовать, но чтобы у сына было высшее образование. Без того, по ее мнению, в современной жизни никуда. В последнее время появился на горизонте один ухажер, партийный функционер из райкома. – Тут в голосе Полонского заиграли ироничные нотки. – Дядька, в принципе, терпимый, хотя со своими заки-

донами. Может, маман не упустит свой шанс, пятьдесят уже скоро, пора и о себе подумать. А у нее фигура, между прочим, знаете, какая сохранилась? – хвастливо заявил Филипп. – Как у девушки двадцатилетней.

– Хреново вам, интеллигентам, – прокричал Федорчук. – Сложно все у вас по жизни. И не представить вас рядом с фрезерным станком. Что же вы, такие умные, всю жизнь в сибирской глуши прозябаете?

– Ничего себе глушь, – присвистнул Филипп. – Этот город наполовину Ленинград... ну, вернее, на пятую часть. Уйма народа туда переехала и не вернулась после войны, множество заводов, институтов. Население уже под миллион, Академгородок недавно построили, сам Хрущев его освятил.

– Я тоже по летательным аппаратам хотел определиться. – Ахмет меланхолично вздохнул. – В летное училище поступал, да вот не вышло.

– По девчонкам надо меньше швыряться, – подколот Серегу. – Знаем мы, товарищ сержант, твою слабую сторону, доложили нам уже.

– Первым делом девушки? – встрепенулся Филипп. – А самолеты потом?

– Ладно, не ерничайте, – проворчал Ахмет. – С армии вернусь, еще раз все обдумаю. А что касается голода, то помню, пацаны, как в нашем районе жили в сорок шестом. Весь хлеб, все мясо отправляли эшелонами в Ленинград. Наестся там не могли бывшие блокадники, а у нас из-за них голодуха цвела знатная. Грибов и ягод практически не народилось, ловили рыбу, бабы корешки в лесу собирали – все в котел шло. Потом наладилось, колхозы в совхозы укрупнили, сносная жизнь началась. Мы всю войну у себя в Татарии провели. Семья большая, отцу на фронте в сорок втором под Харьковом обе ноги отшибло, да еще и с головой неладно стало. Хорошо, что дяди и тети по отцовской линии помогали. Я ведь только по отцу татарин, мать у меня бульбашка, круглая сирота. В тридцать шестом она переселилась из Бобруйска, вскоре с отцом познакомилась и давай каждый год детей строгать, пока война не началась. Оттого и магометанин из меня хреновый – мамаша сбила с праведного пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.